

Исследовательская статья

УДК 008

<https://doi.org/10.24833/2541-8831-2025-4-36-121-136>

Наука политики как жизненный ориентир: О речи Освальда Шпенглера «Политические обязанности немецкой молодёжи»

Ольга Юрьевна Бойцова

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия
boytsova.oy@philos.msu.ru <https://orcid.org/0000-0001-6117-4205>

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению взглядов одного из наиболее спорных философов и политических мыслителей XX в. Освальда Шпенглера на примере его речи «Политические обязанности немецкой молодёжи», с которой он выступил перед студенческой аудиторией в 1924 г. В этом небольшом по объёму, но тематически насыщенном тексте знаменитый автор двухтомника «Закат Западного мира» затронул разнообразные аспекты, характеризующие метаморфозы европейской культуры после Первой мировой войны, оценил перспективы экономических, политических, военных и социальных перемен, выразил своё понимание положения Германии в послевоенной ситуации. Вынужденно оставляя за скобками ряд вопросов, поднятых в речи, статья фокусирует внимание на понимании Шпенглером роли молодёжи в политике. Актуальность данной проблематики обусловлена тем, что в наши дни культура переживает новый этап трансформации, не менее глобальной и более кардинальной по возможным последствиям по сравнению со сдвигами вековой давности. Поэтому и сегодня значима «битва за молодёжь», сыгравшая судьбоносную роль в истории Веймарской республике. Цель работы заключается в представлении в системном виде взглядов Шпенглера на место и роль молодёжи в политике, высказанных в анализируемой речи. Для достижения данной цели были решены следующие задачи: показан идеино-политический контекст выступления Шпенглера, в том числе обозначены основные ценностные приоритеты концепций «прусского социализма» и «немецкой идеи»; описано состояние молодёжного движения в Германии в изучаемый период; представлены подходы к осмысливанию научно обоснованной политики в мировой политической мысли, дана характеристика шпенглеровского требования «учиться политике» как политической обязанности. Исследование опиралось на такие методы, как историко-философский анализ текста, дискурсивный анализ и компаративный анализ. Результатом стало обоснование вывода, что позиция О. Шпенглера, высказанная в проанализированной речи, полностью соответствовала общемировой тенденции сциентизации политического управления и целенаправленного формирования кадрового резерва политической элиты, но при этом опиралась на концептуальные основания «прусского социализма», отрицающего ценность парламентаризма и демократического правления в целом, ориентируясь на идеал политического единства на основе

«духа народа». В соответствии с этим Шпенглер утверждал необходимость рассматривать овладение знаниями о политике и формирование навыков управления в качестве обязанности, а не добровольного выбора молодого человека.

Ключевые слова: О. Шпенглер, политическая обязанность, научно обоснованная политика, молодёжь, Веймарская республика, Движение Кольца, немецкая идея, прусский социализм, политическое лидерство

Для цитирования: Бойцова О. Ю. Наука политики как жизненный ориентир: О речи Освальда Шпенглера «Политические обязанности немецкой молодёжи» // Концепт: философия, религия, культура. — 2025. — Т. 9, № 4. — С. 121–136. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2025-4-36-121-136>

Research article

The Skill of Politics as a Mission in Life: On Oswald Spengler's Speech “*The Political Obligations of German Youth*”

Olga Yu. Boytsova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
boytsova.oy@philos.msu.ru <https://orcid.org/0000-0001-6117-4205>

Abstract. The article examines the views of one of the most controversial philosophers and political thinkers of the twentieth century, Oswald Spengler, using his speech *“The Political Obligations of German Youth”*, which he delivered to a student audience in 1924, as a case study. In this small but thematically rich text, the famous author of the two-volume book *“The Decline of the West”* touched upon various aspects characterizing the transformation of European culture after the First World War, assessed the prospects for economic, political, military and social changes, and expressed his understanding of Germany's position in the post-war situation. While having to leave aside several issues raised in the speech, the article focuses on Spengler's understanding of the role of youth in politics. The relevance of this issue stems from the fact that contemporary culture is undergoing a new stage of transformation, no less global and more drastic in possible consequences compared to the shifts of a century ago. Therefore, the 'battle for the youth' which played a crucial role in the history of the Weimar Republic remains significant today. The purpose of the work is to present in a systematic way Spengler's views on the place and role of youth in politics, expressed in the analyzed speech. To achieve this goal, the following tasks were accomplished: (1) to reconstruct the ideological and political context of Spengler's speech, including description of the main value priorities of the concepts of 'Prussian socialism' and the 'German idea'; (2) to describe the state of the youth movement in Germany during the period under study; (3) to present approaches to understanding science-based politics in world political thought; (4) to characterize the requirements of 'learning politics' as a political responsibility. The study employed historical and philosophical text analysis, discourse analysis, and comparative methods. The result was the justification of the conclusion that O. Spengler's position, as expressed in the speech under analysis, fully corresponded to the global trend of the scientization of political governance and the purposeful formation of the personnel reserve of the political elite, but at the same time it was based on the conceptual foundations of 'Prussian socialism', which denied the value of parliamentarism and democratic government in general, focusing on the ideal of political unity based on the 'spirit of the people'. Accordingly, Spengler argued that acquiring knowledge about politics and developing management skills should be considered a duty rather than a matter of personal choice for a young person.

Keywords: O. Spengler, political obligation, science-based policy, youth, Weimar Republic, Ring Movement, German idea, Prussian socialism, political leadership

For citation: Boytsova, O. Yu. (2025), 'The Skill of Politics as Mission in Life: On Oswald Spengler's Speech *'The Political Obligations of German Youth'*', *Concept: Philosophy, Religion, Culture*, 9(4), pp. 121–136. (In Russian). <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2025-4-36-121-136>

Введение

Освальд Шпенглер относится к числу наиболее известных мыслителей XX в. По несколько ироничному высказыванию одного из известных отечественных исследователей его творчества, философа А. В. Перцева, «получается, что нет почти никого, кто избег бы влияния О. Шпенглера. Он повлиял на белогвардейцев, на славянофилов, на партию кадетов, на национал-социалистов, на прусских юнкеров-помещиков, на германских консерваторов, на демократов из современного российского Министерства, на продвинутых педагогов-технологов, на студентов и многомиллионную армию школьников...» [Перцев, 2015: 147]. Чаще всего имя Шпенглера связывают с учением о локальных культурах и пророчеством о гибели Запада. Но его наследие интересно и для других тематических полей, которые продолжают сохранять актуальность для социогуманистарного знания начала XXI в.

Обращение к речи «Политические обязанности немецкой молодёжи», с которой Освальд Шпенглер выступил перед студенческой аудиторией в 1924 г., может представлять интерес по многим причинам. Этот насыщенный в идейном отношении текст поднимает целый ряд тем, значимых для современных исследований в самых различных областях. В нем представлен взгляд на перспективы процесса трансформации миропорядка, в который Старый свет вступил после окончания Первой мировой войны. Шпенглер широкими мазками рисует картину глобальных метаморфоз, меняющих способы хозяйствования, денежного обращения, ведения войны и борьбы за сферы влияния, а также выдвигающих новые, более жёсткие требования к народам, желающим сохранить за своим государством место среди ведущих держав.

Безусловно, каждая из этих тем заслуживает внимания исследователей. Но настоящая статья, вынужденно оставляя за скобками многие вопросы, поднятые в речи, фокусируется на понимании Шпенглером роли молодёжи в политике. Очевидно, что во времена радикальных перемен как никогда усиливаются опасения за судьбы культуры, за то, что новые веяния смогут перечеркнуть прошлый опыт и обесценить былые достижения. А поскольку движителем новаций, как правило, выступает молодёжь, постольку именно к ней мыслители и политики обращаются с призывом сохранить наследие отцов. В поворотные моменты истории, когда определяются судьбы государств и народов, обычная обеспокоенность старшего поколения тем, что неопытность молодых может привести к негативным последствиям, обретает ярко выраженную политическую тональность. В Германии, проигравшей войну, противостояние политических сил вылилось буквально в битву за влияние на молодёжь, в которую активно включился Освальд Шпенглер.

Политический контекст выступления О. Шпенглера

Двадцатые годы двадцатого столетия были историческим изломом, который отмечен всеобщим азартом творения нового мира. Великая война — именно так называли Первую мировую в межвоенное двадцатилетие — завершилась, унеся в небытие четыре мировые империи. Вместе с ними рухнул и прежний миропорядок с его системой легитимации власти. Послевоенный мир оказался далеко не мирным. Предельно активизировались новые политические «игроки» — народные массы, разрушавшие и создававшие государства по всей территории Старого света. «Примерка» моделей народовластия далеко

не всегда была успешной, и вновь возникавшие коммуны и республики — народные, советские, национальные — зачастую оказывались политическими «однодневками», не способными выстоять в грандиозной битве за будущее. И пока Старый свет был погружен в борьбу за выживание конкурирующих форм государственности, заокеанский Новый свет, вдохновленный опытом миротворчества в Первую мировую, начал уверенно примерять на себя роль вершителя судеб народов планеты.

В феврале 1924 г., когда прозвучала речь Шпенглера о политической обязанности молодёжи, Германия была на перепутье. Контуры «золотых двадцатых» — краткосрочного, но яркого периода стабильности, подъёма экономики и всплеска культуры — ещё были весьма туманными. Страна только-только начала выходить из изоляции, появились признаки оживления в экономике. Рейхсканцлеру и по совместительству министру иностранных дел Густаву Штреземану уже удалось добиться пересмотра графика reparationsных платежей, но пятилетний план восстановления германской индустрии, получивший имя его составителя, чикагского банкира Чарльза Дауэса, и положивший начало потоку американских инвестиций, ещё не был принят. Это произойдет лишь в апреле 1924 г.

А пока ещё не ушло в прошлое потрясение от послевоенного экономического и политического кризиса. Когда после ноябрьской революции 1918 г. был подписан Версальский договор о капитуляции, принятая Веймарская конституция и учреждена демократическая федеративная республика, в Германии начались скверные времена. По итогам войны значительная часть её территории была отторгнута, страна лишилась всех колоний, были введены серьёзные ограничения на численность и состав вооружённых сил, наложен запрет на современные в техническом отношении виды вооружения — боевую авиацию, военно-морской флот и бронетехнику. В бассейне Рейна обосновались победители,

франко-бельгийские войска заняли стратегически важную Рурскую область — центр горнодобывающей промышленности. Как государство, ответственное за развязывание войны, Германия должна была возмещать ущерб, нанесённый в ходе боевых действий. Сумма reparations была немыслимо высока, причём первый миллиард марок требовалось внести уже в 1920 г.¹ Послевоенную разруху преодолеть не удалось. Грязнула гиперинфляция (в конце 1923 г. за доллар давали более 150 млн марок), и невесёлая сентенция, что дешевле топить печь деньгами, чем покупать на них дрова, совсем не казалась шуткой [Космач, 2015; Die Weimarer Republik..., 1987; Peukert, 1987; Social change..., 1981].

О политическом консенсусе внутри страны не было и речи. Страна бурлила, правительство чрезвычайными мерами гасило попытки государственного переворота, мятежи и забастовки. Не успел вступить в силу Версальский договор, как уже через неделю страну потрясла волна забастовок, в марте 1920 г. грянул Капп-путч, вынудивший правительство бежать из Берлина, в августе был убит министр финансов. В 1923 г. в октябре было разгромлено восстание в Гамбурге, поднятое Коминтерном под руководством Эрнста Тельмана, в ноябре — подавлена попытка захвата власти ветеранской организацией «Kampfbund» во главе с Гитлером и Людендорфом, более известная как мюнхенский «пивной путч»².

Осознание реальной возможности уничтожения не только традиционных политических устоев, но и самих оснований культуры, вызвало к жизни многочисленные планы спасения страны и человечества в целом. В проектах усовершенствования общества и индивида нашли отражение самые различные политические позиции — и элитарные настроения, выливавшиеся в массовые политические движения антидемократического толка, и анархистские мечты о всеобщей солидарности без давления верховной власти, и надежды на построение принципиально нового

¹ Окончательно немцы погасили долг только в следующем тысячелетии: выплаты прекратились в 2010 г.

² Подробнее см.: German History in Documents and Images. URL: <https://germanhistorydocs.org/>

общества после слома государственной машины и избавления от пут прошлого. На фоне разрухи, царившей в повседневной послевоенной жизни, разноголосица конфликтующих ценностей, идей и рецептов выхода из кризиса складывалась в тревожную картину всеобщего хаоса, способного окончательно погубить саму идею политического управления как таковую. Действительность напоминала не причудливый калейдоскоп возможностей, а скорее бракованный компас с беспорядочно шатающейся стрелкой.

«Немецкая идея» в послевоенной Германии

Немецкая молодёжь, особенно студенческая, в первые послевоенные годы отличалась чрезвычайной политической ангажированностью. В поисках единомышленников молодые люди пытались найти точку опоры и выработать действенные шаги по изменению сложившейся ситуации. Наряду с созданными ещё в довоенные годы практически аполитичными сообществами «Перелётная птица» (*Wandervogel*) и «Немецкий скаутский союз» (*Deutscher Pfadfinderbund, DPB*) в Германии множились политически активные клубы, союзы и братства самой различной ориентации — от левых «Коммунистической молодёжной лиги Германии» (*Kommunistischer Jugendverband Deutschlands, KJVD*) и «Социалистической рабочей молодёжи» (*Die Sozialistische Arbeiter-Jugend, SAJ*) до ультра-правых «Младогерманского ордена» (*Jungdeutscher Orden*) и «Молодёжи Бисмарка» (*Bismarckjugend*) [Вырупаева, 2016; Social change...; 1981].

В ситуации крайней непопулярности правительства (а его критиковали практически все — одни за излишний, другие за недостаточный радикализм в преобразованиях) и накала политической борьбы молодёжные организации оказались реальной силой, за влияние на которую считали

насущной задачей все «взрослые» партии. У многих молодёжных активистов за плечами был военный и революционный опыт, все они находились в лихорадочном возбуждении, ощущая себя творцами нового мира, борцами за великое дело. В эпоху низвержения авторитетов прошлого молодые люди, с одной стороны, довольно пренебрежительно относились к «политике старцев», будучи уверены в том, что они более прозорливы, чем представители предыдущих поколений. А с другой, жаждали обрести сильного лидера, способного указать путь в борьбе за высокую идею, на основе которой можно было бы придать жизни смысл и определить её главные цели и задачи.

Такой сверхидеей в послевоенной Германии стала «немецкая идея», объединившая вокруг себя разношерстные сообщества и превратившая их в мощное «немецкое движение», или «фёлькиш-движение» (*Völkische Bewegung*)³ [Völkische Bewegung..., 2005; Sontheimer, 1994; Молер, 2017; Руткевич, 2007]. Это движение было вдохновлено идеалом единства нации, для достижения которого требовалось постичь суть «германского духа», составляющего основу общности немцев, и «законсервировать немецкость на десятилетия и даже на столетия» [Молер, 2017: 41]. Возникнув в конце XIX в. как стремление преодолеть влияние чуждых культур и возродить исконные самобытные традиции немецкого народа, «фёлькиш-движение» после поражения Германии в войне взлетело на вершину популярности и буквально захлестнуло страну, «где, — как писал Томас Манн, — слово “интернациональный” давно уже стало бранным эпитетом»⁴, и даже универсалистские по исходным установкам течения, такие как либерализм или социализм, оснастились прибавкой «национал-».

При всей разноплановости и разношерстности «немецкого движения», в нём можно усмотреть ряд общих идей

³ Манн Т. Размышления аполитичного. Москва: АСТ, 2015. 544 с.

⁴ Манн Т. Германия и немцы // Собрание сочинений в 10 т. Т. 10. Статьи. Москва: Государственное издательство художественной литературы, 1961. С. 306.

и настроений, среди которых первое место, скорее всего, занимает тема реванша. Для тех сторонников реваншизма, кто пытался найти метафизическое оправдание самой возможности вернуть былое величие, досадным препятствием оказалась идея исторического прогресса. Ведь если история идёт по пути восхождения, оставляя в прошлом всё отжившее и преодолённое, как полагали прогрессисты, то народ, проигравший и поверженный, обречён на прозябание в стороне от «столбовой дороги» развития человечества. Он есть «отработанный материал», лишенный шанса на возрождение. Реванш возможен только если признать, что ход истории не поступателен, а цикличен: тогда поражение не фатально, а за падением последует новый взлёт — если, конечно, будет найдена прочная основа для преодоления последствий случившегося бедствия. Для сторонников «фелькиш-движения» незыблемым и самоценным истоком, способным стать опорой в возрождении Германии, был дух её народа в его незамутненной внешними влияниями чистоте.

«Движение Кольца» в молодёжных сообществах Германии

Шпенглер, приобретший огромную популярность после выхода в свет двухтомника «Закат Западного мира»⁵, в 1920-е гг. активно выступал с публичными докладами, отдавая предпочтение молодёжной аудитории. В студенческой среде, к представителям которой обращался Шпенглер, мечты о поиске изначальной немецкости в её «полнейшей нетронутости» и возврате к ней путём воспроизведения образцов древнегерманской культуры были широко распространены. Такими идеями были одержимы и члены «Университетского Кольца немецкого

духа» (*Hochschulring deutscher Art, HDA*), перед которыми Шпенглер выступил с речью о политической обязанности немецкой молодёжи. Это студенческое сообщество являлось вюрцбургским отделением «Немецкого Университетского Кольца» (*Der Deutsche Hochschulring, DHR*), объединявшим фелькиш-настроенных бурштейн по всей стране и занимавшего лидирующие позиции в студенческом сообществе Германии вплоть до 1933 г., когда его вытеснил «Национал-социалистический немецкий студенческий союз» (*Nationalsozialistischer Deutscher Studentenbund, NSDStB*).

«Движение Кольца» (*Ring-Bewegung*), в состав которого входили университетские «Кольца», было чуть ли не самым активным участником «немецкого движения». Оно задумывалось его основателем и лидером Г. фон Гляйхен-Русвурмом не только как клуб, объединяющий всех значимых для немецкой культуры лиц, но и как кузница кадров для политической элиты. По его мысли, кольцо должно было символизировать общенациональную сплочённость, объединяя на основе «германского духа» всевозможные сообщества (политические, литературные, спортивные, театральные, etc.) с самыми различными идеологическими ориентирами и политическими предпочтениями.

История «Движения Кольца» началась с создания в 1919 г. «Июньского клуба» (*Juni-Klub*). Это название было выбрано его основателями в знак протеста против заключения 28 июня 1919 г. Версальского мирного договора, закрепившего поражение Германии в Первой мировой войне. Клуб принимал в свои ряды людей, негативно относившихся к итогам войны и считавших своей миссией возрождение величия страны. В остальных вопросах официально признавалась необходимость

⁵ В переводах двухтомника на русский язык обычно используется версия «Закат Европы» (Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 1–2. Москва: Мысль, 1998). Но аргументация переводчика И. И. Маханькова в пользу передачи названия шпенглеровского труда «Der Untergang des Abendlandes» как «Закат Западного мира» представляется весьма убедительной (Шпенглер О. Закат Западного мира: Очерки морфологии мировой истории. Полное издание в одном томе. Москва: Альфа-Книга, 2014. 977–978 с.), поэтому здесь используется именно данный вариант. Первый том был опубликован в 1918 г., второй — в 1922 г. Позже Шпенглер переработал второй том, и начиная с 1924 г. он издавался в исправленном варианте (Spengler O. Der Untergang des Abendlandes: Umrisse einer Morphologie der Weltgeschichte. Bd. 2: Welthistorische Perspektiven. München: Beck, 1924).

нейтральной позиции и отказ от унификации: «Клуб как таковой, — декларировал его устав, — воздерживается от принятия политических решений. Его члены несут персональную ответственность за свои политические предпочтения»⁶. Правда, на практике, при отсутствии единой мировоззренческой платформы и значительных разногласиях по теоретическим и уж тем более по политически актуальным вопросам, дискуссии порой доходили до дуэли оппонентов.

К 1923 г. вокруг «Июньского клуба» сформировалось «Движение Кольца», пестрое по составу и представленности политического спектра. Просуществовало оно недолго. После смерти в 1925 г. одного из его идеиных лидеров Артура Мёллера ван ден Брука обострились внутренние противоречия, и к 1927–1928 гг. «Кольцо» окончательно распалось на автономные кружки, сообщества, братства и иные организации. Но в 1924 г. позиции и «Движения Кольца» в целом, и «Университетского Кольца немецкого духа» в Бюргбурге ещё были очень сильны [Ishida, 1988; Petzinna, 2000].

Тема национального унижения в политической риторике консервативной революции в Германии

Освальд Шпенглер в это время — вос требованный политический оратор, находившийся на пике популярности. Двухтомник «Закат Западного мира», принесший ему мировую славу и почётную премию «Архива Ницше», продолжал переиздаваться, в том числе и в переводах. Учёные и философы выискивали в тексте фактические ошибки и дискутировали о том, можно ли относиться к данному сочинению

как к серьёзному научному труду. Но это лишь подогревало интерес к его создателю. Знакомства с автором скандального бестселлера искали политики и промышленники, читать и спорить о его идеях считалось хорошим тоном. Шпенглера хотели читать, видеть и слушать, и он и писал статьи на злобу дня, и много выступал перед различными аудиториями. Основная тема — место и роль Германии в эпоху глобальных трансформаций на мировой арене, поиск путей возрождения страны и преодоления национального унижения.

Тема национального унижения главенствовала в политических дебатах на протяжении всех пяти лет после поражения в войне. Особое место ей отводили идеологи «Движения Кольца». «Над Германией реет чёрное знамя нужды, унижения и затаённой обиды, — писал в вышедшей буквально накануне, в 1923 г., но уже ставшей мегапопулярной книге «Третий Рейх» (в русском переводе «Третья империя») Мёллер ван ден Брук, — и только самообладание не позволяет стать ему знаменем полного отчаяния. Это чёрное знамя беспокойства мысли, которая день и ночь вращается вокруг участия, уготованной нашей разоруженной стране столковавшимся против неё миром»⁷. Эти суждения в значительной мере совпадали со шпенглеровскими оценками как истории Германии, так и её текущего положения, и он возлагал большие надежды на «Июньский клуб» и «Движение Кольца». В частности, сохранилось свидетельство о его встрече с Мёллером ван ден Бруком в начале 1920 г.

Свою речь «Политические обязанности немецкой молодёжи» перед студентами Бюргбурга⁸ Шпенглер начинает именно с этой темы. Хотя и наметились сдвиги к лучшему, утверждает он, это лишь проблематики надежды, которые не следует путать

⁶ Мёллер ван ден Брук А., Васильченко А. В. Миф о вечной империи и Третий рейх. Москва: Вече, 2009. С. 49.

⁷ Там же, с. 346.

⁸ Впервые текст речи был опубликован в 1924 г. (Spengler O. Politische Pflichten der deutschen Jugend. Rede gehalten am 26. Februar 1924 vor dem Hochschulring Deutscher Art in Würzburg von Oswald Spengler. München: C.H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung, 1924. 33 s.). Десять лет спустя Шпенглер поместил его в сборник «Политические произведения» (Spengler O. Politische Pflichten der deutschen Jugend // Spengler O. Politische Schriften. München, Berlin: C. H. Beck'sche Verlagbuchhandlung, 1934. S. 127–156). В этой версии он опустил обращение к слушателям и добавил ссылки на исправленную версию второго тома «Заката Западного мира».

с принципиальным изменением ситуации. Положение дел по-прежнему плачевно, поскольку национальное унижение не только не ликвидировано, но приобрело новые формы. Кабальные условия Версальского мира, зависимость от других государств и утрата веса в международных делах, слабость верховной власти и отсутствие безусловной поддержки её со стороны народа, а значит, и сомнительность её легитимности, разобщённость политической элиты и разбалансированность системы управления, — всё это оценивалось им как признаки глубины падения Германии.

Как и сторонники «немецкого движения», Шпенглер воспринимал бедственное положение страны не как справедливое возмездие за развязывание мировой войны (а именно так это расценивали страны-победительницы), а как результат пораженческой политики демократических властей, предавших национальные интересы и малодушно склонившихся перед завоевателями⁹ [Руткевич, 2007; Sontheimer, 1994; Sieferle, 1995]. Отсюда — резкое, абсолютное неприятие сложившейся ситуации и нежелание мириться с ней, стремление активно противостоять тем, кто разрушает основу народа как духовного и политического единства.

В роли таких разрушителей Шпенглеру видятся носители чуждой культуры — прежде всего Англия с её тягой к парламентаризму и Франция как главный бенефициарий Версальского договора¹⁰. В его историософии эти страны входят в фаустовскую культуру Запада наряду с Германией, но в то же время остаются враждебными для немцев. Они являются противниками в противоборстве между «духом Ренессанса», носителем которого являются французы, английским «духом торгашества» и «готическим духом» немцев. Само это противостояние, по его убеждению, имеет ключевое значение для судьб

мира: «Для любого живущего сегодня народа, — напишет Шпенглер в работе «Годы решений» через почти десять лет после выступления в Бюргбурге, — речь идёт о величии или уничтожении... Чей меч победит, тот и будет господином мира»¹¹. Поэтому проникновение в германскую культуру идей и учений, выпестованных в лоне чуждого духа — будь то либеральный монархизм, классовая теория марксизма, идеалы демократии или принципы парламентаризма, — губительно для немецкости и, соответственно, является препятствием на пути Германии к величию.

«Прусский социализм» и пути к идеальному государству

Для Шпенглера главный порок парламентаризма кроется в подрыве единства народа, в замене общего дела грызней партийных клик — т.е. в размывании единой национальной идеи плюрализмом групповых интересов. Тлетворное же влияние демократии он усматривает в ограничении свободы политического действия великих личностей — опора на мнение масс препятствует принятию и реализации компетентных и наиболее эффективных решений и в конечном счёте неизбежно приводит к пагубным для страны последствиям.

Неудивительно, что Шпенглер солидаризуется с теми, кто винит в бедственном положении страны ноябрьскую революцию и республиканское правление: по его убеждению, именно «мошенническая революция под хохот своих выкормышей, жиравших на её хлебах в стране и за рубежом, отняла у нас всё, чем мы обязаны таланту и неустанному труду великих государственных мужей»¹². Подобную оценку он высказывал ещё в 1919 г., когда в «Пруссачестве и социализме» заявил о том, что ноябрьская революция есть предательство Германии. Она — результат победы торгашества

⁹ Манн, 2015.

¹⁰ Шпенглер О. Пруссачество и социализм. Москва: Практис, 2002. С. 20–27, 43–105; Шпенглер О. Политические произведения. Москва: Канон+, РООИ «Реабилитация», 2009. С. 66–109.

¹¹ Шпенглер, 2009, с. 45, 221.

¹² Spengler, 1934, с. 146. См. также перевод в настоящем выпуске журнала, С. 98–120.

над героикой; духа викингов, культивирующего личную независимость и свободу, над прусским орденским духом, превыше всего ставящим общий долг и общие ценности; этики личного счастья над этикой долга; пиратского инстинкта островитянина, стремящегося уничтожить конкурентов, над идеалом аскетического служения государству¹³.

Единственной альтернативой непригодным для Германии моделям государственности может служить тот образ государства, который представил в своей книге Артур Мёллер ван ден Брук, — а именно, политический союз всех немцев как идеальное гармоническое царство германского духа. Учение Шпенглера о «прусском социализме» однозначно перекликается с этой позицией — так же, как с идеально близкими ему концепциями «немецкого социализма» В. Зомбарты и «солдатского социализма» Э. Юнгера [Руткевич, 2002; Nickel, 2004; Sieferle, 1995; Sontheimer, 1994]. В государстве такого типа, построенном на слиянии иерархической структуры и органической целостности, перестают быть существенными (хотя и не исчезают) все политические, экономические, религиозные и прочие разногласия и расслоения, и оно становится манифестацией немецкости как таковой.

Поскольку же современное Шпенглеру состояние Германии далеко от этого идеала, постольку ключевыми оказываются вопросы о том, какова метафизическая природа немецкости, как проявляется немецкий национальный характер и чем «auténtичный немец» отличается от представителей других наций, наконец, есть ли у немецкого народа особая миссия и в чём состоит. Члены молодёжного сообщества «Перелётная птица», ставшего предтечей «фёлькиш-движения», в поисках ответов на эти вопросы обращались к средневековым традициям. В стремлении припасть к корням народной жизни, они уподоблялись странствующим школярам прошлого, уходя из городов как средоточия извращённой

урбанизацией культуры и посвящая себя многодневным хождениям по лесам и лугам без плана и цели, распевая народные песни и баллады о легендарных героях, зачитываясь мифологическими сказаниями и пытаясь на их основе возродить обычай древних германцев.

Шпенглер очень скептически относился к такому пути к постижению «немецкости». Его волновало то, что молодёжь в увлечении внешними атрибутами народной жизни упускает из виду саму её суть. Все эти символы, обряды, костюмированные шествия и театрализованные действия он считал ажурной пеной, скрывающей подлинный смысл, цель и миссию национальной политики. Со значительной долей сарказма Шпенглер вспоминает празднества подобного рода, которые в межвоенный период считались знаковыми для «немецкого движения», — торжества в Вартбургском замке в Тюрингии в 1817 и 1848 гг. и в Хамбахе на горе Шлоссберг в земле Рейнланд-Пфальц в 1832 г. Все эти собрания проходили под лозунгами национального единства и гарантии политических прав и свобод, возрождения Германии и прекращения иностранного влияния на немецкую культуру и политику. Позиционируя себя как погружение в историю «германского духа», на деле они представляли собой смесь зрелищного фестиваля с политической манифестацией. Но с течением времени эти празднества обросли красочными подробностями, их участники были героизированы и превратились чуть ли не в образцовых борцов за торжество народного духа. Хамбахский фестиваль даже стал считаться символом демократического движения в Германии. Разделяя стремление к единству, Шпенглер не мог приветствовать реверансы в сторону либеральных ценностей, которые, по его убеждению, были далеки от подлинной народности. Кроме того, он считал вредным восхищение церемониями, которые устраивались на этих празднествах: из его вюрцбургской речи становится ясно, что

¹³ Шпенглер, 2002, с. 11–36.

устроенному манифестантами сожжению «вредных» книг и символов иностранной власти он предпочёл бы их вдумчивое изучение с целью извлечения политических уроков.

Только на таком пути, — приобретения особых управленческих навыков через выработку навыка непредвзятой оценки идей и действий противника, через анализ опыта великих деятелей прошлого и тщательный разбор причин их успехов и неудач, — по его убеждению, могут появиться политики, которым можно доверить судьбу страны. Иначе же, как он писал ещё в «Закате Западного мира», неминуема реализация наихудшего сценария, при котором «на место правительства с великой традицией и опытом к руководству неизбежно приходят случайные люди»¹⁴ и в результате народ оказывается перед лицом катастрофы.

Утверждение Шпенглера, что для ответственной и эффективной политики недостаточно опираться только на личностные качества и мотивы тех, кто принимает политические решения, и что в основе таких решений должен лежать прочный, сцепментированный глубокими знаниями, фундамент, полностью соответствовало веяниям времени. В политической мысли разных стран весьма активно разрабатывались и продвигались концепции новой — научной — политики, которая должна была прийти на смену той, что привела к мировой войне и тем самым доказала свою несостоительность. В соответствии с этими концепциями, политика должна превратиться из «искусства возможного» в строго рациональную деятельность, опирающуюся на достоверные результаты научных исследований. Только в этом случае процесс принятия решений станет обоснованным, а последствия планируемых мер — предсказуемыми.

Проект научно обоснованной политики в мировой социально-политической мысли

В межвоенный период идея научно обоснованной политики стремительно завоевывала популярность в политической мысли Европы и США. Для реализации этой идеи требовалось наладить особую подготовку всех участников политических действий, и задача организация политического образования закономерно стала воплощаться на практике. После завершения Первой мировой войны практически синхронно в Европе и США из образовательных структур, возникших в последней трети XIX в.¹⁵, выросли школы и факультеты, призванные обучать политику и ответственному гражданскому поведению. В 1923 г. один из отцов-основателей американской политической науки Чарльз Мерриам начал реализовывать в Чикагском университете свой план создания эмпирической политологии, способной предоставить политикам инструментарий для эффективного управления обществом. Идущие в политике процессы, утверждал он, необходимо «подвергнуть предельно тщательному наблюдению с целью регистрации касающихся их наиболее важных фактов, что и может составить основу политической мудрости, как и науки о политике»¹⁶. Одновременно он разработал проект «Становление граждан» (*The Making of Citizens*) и добился его практического осуществления¹⁷.

В Европе идеи научной политики, которая требует «осторожности в процедуре, осмотрительности в предположениях, придирчивости в оценке результатов»¹⁸, продвигал Гаэтано Москато, известный не только своей элитистской теорией, но и тем, что ввёл в университетское образование

¹⁴ Шпенглер, 2014, с. 848.

¹⁵ К примеру, таких, как образцовая для всех подобных заведений французская Свободная школа политической науки Эмиля Бутми, флорентийская «Cesare Alfieri», Лондонская школа экономики и политической науки или Школа политических наук в Колумбийском колледже Нью-Йорка. См.: [Бойцова, 2015].

¹⁶ Мерриам Ч. Новые аспекты политики // Социально-политический журнал. 1996. № 5. С. 170.

¹⁷ Обоснование этого проекта и результаты его реализации он изложил в нескольких книгах 1930-х гг. (Merriam C.E. Civic Education in the United States. New York: Charles Scribner's Sons, 1934. 196 p.; *The Making of Citizens: A Comparative Study of Methods of Civic Training*. Chicago: University of Chicago Press, 1931. 371 p.).

¹⁸ Цит. по: Рахмир П.Ю. Идеи и люди. Политическая мысль первой половины XX в. Пермь: Издательство Пермского университета, 2001. С. 160.

Италии курсы по политической науке, мечтая качественно изменить государственное управление.

Не осталась в стороне и Германия, где первые попытки ввести политическое образование и научно выковывать политическую элиту были предприняты профсоюзами и политическими партиями¹⁹. Одной из таких образовательных институций была «Государственная школа гражданственности» (*Staatsbürgerschule*), созданная в марте 1918 г. в Берлине либералом Фридрихом Науманном. В октябре 1920 г. эта школа, изначально имевшая ярко выраженный партийный характер, была преобразована Эдуардом Жеком и Теодором Хойссом в «Немецкий политический университет» (*Deutsche Hochschule für Politik*) с менее политизированной и даже с определённой претензией на надпартийность ориентацией. Одним из членов его учредительного комитета был Макс Вебер. В том же году их идейные конкуренты из числа младо-консерваторов — Мартин Шпан, Генрих фон Гляйхен-Русвурм и Рудольф фон Брёкер — основали «Политический колледж национально-политического воспитания и учебной работы» (*Politisches Kolleg für nationalpolitische Schul- und Bildungsarbeit*), где были учреждены специальные кафедры по изучению национальных проблем и государственной идеи. Обе эти образовательные институции стремились создать новый фундамент для политики. Но если Науманн, а затем Хойсс, стремились к политическому образованию всех граждан, то колледж, курируемый руководителями «Движения Кольца», главной целью считал воспитание политической элиты нового типа [Nickel, 2004; Petzinna, 2000].

Борьба за молодёжь и обязанность «учиться политике»

Проходящий лейтмотивом речи Шпенглера призыв учиться политике, обращённый к молодым людям, которые с огромным воодушевлением стремились к политическому деланию, также не был какой-то новацией. Можно вспомнить как минимум два более ранних по времени и куда более знаменитых выступления, адресованных молодёжи и преследовавших фактически ту же самую цель — донести до аудитории идею необходимости учиться тому, чтобы серьёзно, вдумчиво и ответственно подходить к участию в политике. Примечательно, что выступавшие с ними ораторы принадлежали к полярным политическим лагерям и практически по всем остальным вопросам были категорически несогласны ни друг с другом, ни со Шпенглером.

Одну из этих речей произнес в январе 1918 г. Макс Вебер перед членами баварского отделения «Свободного студенческого союза» (*Freistudentischen Bund. Landesverband Bayern*) в Мюнхенской книжной лавке Карла Георга Штайнике²⁰. Этот союз, как и движение «Свободного студенчества» (*Freistudentenschaft*) в целом, объединял учащихся, не входивших в традиционные студенческие корпорации (из-за этого в университетской среде их называли дикарями, «бедными зябликами» и даже мракобесами). Как правило, его членами становились выходцы из небогатых семей среднего класса, которые в целом придерживались либеральных взглядов. Возникнув в 1890-е гг. как группы помощи

¹⁹ Политическому образованию — как профессиональному, так и публичному — в Веймарской республике придавалось огромное значение. Повышенное внимание уделялось разработке программ обучения молодых людей, которые могли бы стать кадровым резервом политической элиты [Меллер ван ден Брук, Васильченко, 2009: 3–111; Руткевич, 2007; Petzinna, 2000; Nickel, 2004; Die Weimarer Republik..., 1987].

²⁰ Вебер М. Политика как призвание и профессия // Власть и политика. Москва: РИПОЛ классик, 2017. С. 252–326.

малоимущим сокурсникам, движение приобрело общенациональный масштаб только к 1919 г., но уже через год утратило самостоятельность. Его члены, продолжая заниматься социальной работой, вошли в другие студенческие ассоциации.

Именно перед этой аудиторией, для которой приоритетным были методы практической политики, Вебер произнёс ставшие хрестоматийными слова о том, что политика должна быть не только призванием, но и профессией. Речь, собственно, шла об умении руководить политическим союзом, который выступает в виде государства. Как известно, Вебер каталогизировал такое участие, отделив политическое действие «по случаю» от политического лидерства и рутинного функционирования политической бюрократии. Но несмотря на несходность задач и принципов этих подвидов, он подчёркивал, что поскольку в современном мире политика превратилась в предприятие, постольку встал ребром вопрос о наличии у занимающихся политической работой людей особых навыков и особых качеств, без обладания которыми руководить этим предприятием не получится. И среди этих качеств немаловажное место отводилось взвешенному и ответственному подходу при принятии решений, профессиональному отношению к искусству управления и реалистичности оценки конкретных ситуаций. На шесть лет раньше Шпенглера Вебер стремился убедить студенческую молодёжь в необходимости «вышколенной решительности взгляда на реальности жизни и в способности вынести их и внутренне оставаться на должной высоте», в том, что им ни в коем случае нельзя быть «вертопрахами, которые не чувствуют реально, что они на себя берут, но опьяняют себя романтическими ощущениями»²¹.

В октябре 1920 г. в Москве похожий призыв услышали делегаты III Всероссийского съезда Российского Коммунистического Союза Молодёжи (РКСМ) из уст лидера государства Владимира Ильича Ленина²². К этому времени эта организация, созданная в 1918 г. как общероссийское объединение молодёжных большевистских союзов, возникших после Октябрьской революции в разных городах, насчитывала более 480 тыс. членов и считалась опорой и основным кадровым резервом Коммунистической партии. Говоря о первостепенных задачах молодёжи в строительстве нового общества, Ленин особо подчёркивал, что нельзя приходить в политику и делать политику на одном лишь энтузиазме. Для того, чтобы политические действия приводили к желаемым результатам, чтобы не распылить силы понапрасну, чтобы не просто поучаствовать, а победить в политической борьбе, необходимо вооружиться «знанием всех тех богатств, которые выработало человечество»; от молодых строителей коммунизма требуются «умение взять себе всю сумму человеческих знаний, и взять так, чтобы коммунизм не был бы у вас чем-то таким, что заучено, а был бы тем, что вами самими продумано, был бы теми выводами, которые являются неизбежными с точки зрения современного образования»²³.

Особенностью речи Освальда Шпенглера, пожалуй, можно считать акцент на то, что учиться политике — не просто необходимость для тех, кто по своей воле выбрал для себя это поприще, а непреложная обязанность всей немецкой молодёжи. Хотя и в этом его нельзя считать первопроходцем. Так, ещё в 1897 г. об обязанности быть сведущим в политических делах говорил в своей речи перед берлинскими студентами один из вождей немецкой

²¹ Там же, с. 324.

²² Ленин В. И. Задачи союзов молодежи (Речь на III Всероссийском съезде Российского Коммунистического Союза Молодёжи 2 октября 1920 г.) // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 41. Москва: Издательство политической литературы, 1981. С. 298–318.

²³ Там же, с. 305,306.

социал-демократии Август Бебель. «Что такое политика? — ставил он вопрос и отвечал — «Воздействие на сущность и форму учреждений и мероприятий, имеющих в совокупности решающее влияние на частную жизнь отдельного человека и на всю социальную и экономическую жизнь всех и каждого». Этим сказано, что долг каждого человека — интересоваться общественными делами, потому что вся социальная жизнь, все социальное развитие отдельной личности зависит в большей степени от учреждений и условий, свойственных обществу, нежели от его знаний, способностей и охоты»²⁴.

В межвоенный период тема обязанности индивида перед обществом, народом, государством стала одной из бурно обсуждаемых в политической публицистике. Считается, термин «политическая обязанность» получил широкое хождение в политической лексике после публикации в 1895 г. работы английского философа Томаса Хилла Грина «Лекции о политической обязанности», хотя идея гражданского долга по отношению к государству, безусловно, имеет куда более древнюю историю²⁵. Однако именно после окончания Первой мировой войны вопросы о том, почему возникает и в чём именно состоит этот долг, всегда ли гражданин обязан подчиняться государству и каковы границы его лояльности или неповиновения, утратили исключительно теоретический характер и стали активно использоваться в пропагандистских целях.

Для Шпенглера же все эти вопросы были делом решённым. Он был убеждён, что цель политики Германии заключается в гарантии силы и процветании немецкого государства — политического союза, представляющего собой квинтэссенцию

воли немецкой нации. Соответственно, для молодёжи облигаторным и приоритетным является не просто содействие реализации этой цели, но беззаботное служение этой идеи. Такому служению должны быть подчинены все стремления и помыслы, интересы и желания молодого человека. В основе этого тезиса лежит убеждение, что народ важнее индивида, а индивид — ничто без народа, что не государство для человека, а человек для государства, — краеугольный камень в той традиции политической философии, к которой принадлежал Освальд Шпенглер. Именно поэтому в обязанности молодёжи, как это сказано в вюрцбургской речи, входит не только задача учиться искусству политики, но и осознанное стремление превращать себя в «материал для политических вождей». Самоотдача, самовоспитание и решимость добровольно принять роль питательной почвы, позволяющей расцветать великим деяниям великих мужей, — отнюдь не произвольный выбор каждого. Такое служение — именно обязанность перед нацией и государством, возложенная на юношество.

Заключение

Шпенглер включился в «битву за молодёжь», понимая, что после политических катаклизмов начала века Германии будет очень сложно как обрести внутренний мир, так и занять достойное место в мировой политике. Для этого ей необходима сильная и умелая политическая элита. На политической сцене Веймарской республики он не находил людей, которые соответствовали бы этим требованиям, оттого и возлагал надежды на юношество, которое может взять на себя задачу продвижения страны в лучшее будущее.

²⁴ Бебель А. Академики и социализм. Речь, произнесенная на студенческом собрании в Берлине 17 декабря 1897 г. Санкт-Петербург: Издание «Рабочей Мысли», 1899. С. 4.

²⁵ См.: Green T.H. Lectures on the Principles of Political Obligation and Other Writings / Ed. by P. Harris, J. Morrow. Cambridge, 1986; Political Obligation // Stanford Encyclopedia of Philosophy. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/sum2013/entries/political-obligation/>. Термин «политическая обязанность», стал активно использоваться в западной литературе с начала XX в. в связи с обсуждением проблем природы долженствования, а также содержания и пределов обязательств в отношениях между гражданином и государством [Мартышин, 2000].

Обращаясь к студенческой аудитории, О. Шпенглер поражал слушателей эрудицией и разнообразием примеров, увлекал отточенностью и красочностью формулировок, воодушевлял апелляцией к великой миссии. Его речь представляет собой пёстрое мозаичное полотно идей, наблюдений, оценок и призывов. При этом в его речи нашли отражение многие идеи, популярные в общемировом интеллектуальном поле и, соответственно, знакомые участникам встречи. В частности, поддерживаемый им идеал научно обоснованной политики полностью соответствовал общемировой тенденции сциентизации политического управления. Однако шпенглеровская версия целенаправленного формирования кадрового резерва политической элиты отрицала парламентско-демократические механизмы рекрутинга, выдвигая в противовес им идею службы, которая лежит в основании концепции «прусского социализма». Как и другие представители консервативной революции, Шпенглер ставил акцент не на процедурные, а на экзистенциальные основы политического единства, возникающего исторически путем презентации «духа народа».

Именно поэтому необходимость рассматривать овладение знаниями о политике и формирование навыков управления в шпенглеровской трактовке выступает в качестве обязанности, а не добровольного выбора молодого человека. По его убеждению, нельзя быть немцем и не брать на себя ответственность за страну. Признав же свою причастность к её судьбе, невозможно считать приоритетной не служение, а какую-либо иную задачу.

Как известно, Шпенглер и его единомышленники проиграли в битве за немецкую молодёжь. Спустя десять лет после вюрцбургской речи его надежды на «выращивание» и выдвижение на государственные посты «новых цезарей» — компетентных вождей, способных обеспечить процветание государства, уже были полностью разрушены, а сам он оказался персоной нон-гранта. С приходом к власти Гитлера немецкое молодёжное движение было полностью подбито национал-социалистическими

организациями. Либеральные и социал-демократические сообщества, не говоря уже о коммунистических союзах молодёжи, были разгромлены, многие из их лидеров репрессированы. Из «фёлькиш-движения» выжили только примкнувшие к фашизму с его примитивной человеконенавистнической идеологией и недоверием к традиционным духовно-культурным образцам и ценностям. Теперь вместо критического анализа ценилась безоговорочная вера фюреру, вместо вдумчивой работы по накоплению знаний о политическом опыте прошлого — старательное заучивание партийных лозунгов и бездумное следование призывам вождей; вместо усилий по достижению страной достойного места в сообществе наций — готовность к расправе над всеми, кого можно было заподозрить в отсутствии симпатий к режиму; вместо желания сохранить наследие национальной культуры — курс на уничтожение культуры других народов вместе с её носителями. Эта победа не только внесла немалую лепту в национальную катастрофу Германии, обрекшей на бесславную судьбу своё молодое поколение, одурманенное фашистской идеологией. Она повлекла за собой пагубные последствия в общемировом масштабе, поскольку позволила гитлеровскому режиму получить поддержку со стороны молодёжи в деле развязывания Второй мировой войны.

Со времени речи о политической обязанности молодёжи прошло сто лет. Какие-то прогнозы Шпенглера — например, о том, что время больших армий ушло, — не оправдались. Другие — о глобализации политики и вовлечении в «большую игру» ранее пассивных народов или о виртуализации собственности, оказались пророческими. Сама фигура автора существенно побледнела, утратила ореол скандальности и отошла на задний план в современных интеллектуальных баталиях. Однако сегодня вряд ли кто-то будет спорить с тем, что вопросы, поднятые в этом небольшом по объёму, но очень насыщенном по содержанию тексте, остаются и в политической повестке, и в своде значимых тем политической мысли.

Список литературы:

Бойцова О. Ю. Политика как наука принятия решений (К вопросу о теоретических основах менеджеризма в политической мысли) // Электронное научное издание Альманах Пространство и Время. — 2015. — Т. 9, № 2. — С. 16.

Вырупаева А. П. Скованные одной цепью: патриотическое движение в Германии до и после Первой мировой войны // PAX BRITANNICA: История Британской империи и созданного ею мира. — Челябинск: Энциклопедия, 2016. — С. 183–198.

Космач В. А. Германия в 1918–1923 годах: рождение и первые годы Веймарской республики. — Псков: ЛОГОС Плюс, 2015. — 412 с.

Мартышин О. В. Политическая обязанность // Государство и право. — 2000. — № 4. — С. 5–14.

Молер А. Консервативная революция в Германии 1918–1932. — Москва: Тотенбург, 2017. — 312 с.

Перцев А. В. О. Шпенглер: Попытка создания прикладной всемирной истории // Воссоздание Германского рейха / Шпенглер О. — Санкт-Петербург: Владимир Даль, 2015. — С. 143–222.

Руткевич А. М. Времена идеологов: философия истории «консервативной революции». — Москва: ГУ ВШЭ, 2007. — 35 с.

Руткевич А. М. Прусский социализм и консервативная революция // Пруссакчество и социализм / О. Шпенглер. — Москва: Практис, 2002. С. 187–228.

Die Weimarer Republik: 1918–1933; Politik. Wirtschaft. Gesellschaft / Hrsg von K. D. Bracher, M. Funke, H.-A. Jacobsen. — Bonn: Droste, 1987. — 688 s.

Ishida Y. Jungkonservative in der Weimarer Republik: der Ring-Kreis 1928–1933. — Frankfurt am Main: Lang, 1988. — 298 s.

Nickel E. Politik und Politikwissenschaft in der Weimarer Republik. — Berlin: Rotschild-Verlag, 2004. — 256 s.

Petzinna B. Erziehung zum deutschen Lebensstil. Ursprung und Entwicklung des jung-konservativen «Ring»-Kreises. 1918–1933. — Berlin: Akademie Verlag, 2000. — 308 s.

Peukert D. Die Weimarer Republik. Krisenjahre der klassischen Moderne. — Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1987. — 313 s.

Sieferle R. P. Die Konservative Revolution: fünf biographische Skizzen (Paul Lisch, Oswald Spengler, Ernst Jünger, Hans Freyer). — Frankfurt am Main: Fischer-Taschenbuch-Verlag, 1995. — 250 s.

Social change and political development in Weimar Germany / Ed. by R. Bessel, E. J. Feuchtwanger. — London: Routledge, 1981. — 298 p. <https://doi.org/10.4324/9780429277283>

Sontheimer K. Antidemokratisches Denken in der Weimarer Republik: Die politische Ideen des deutschen Nationalismus zwischen 1918 und 1933. — München: Deutsche Taschenbuch, 1994. — 330 s.

Völkische Bewegung — Konservative Revolution — Nationalsozialismus. Aspekte einer politisierten Kultur / Hrsg. von W. Schmitz, C. Vollnhal. — Dresden: Thelem, 2005. — 440 s.

References:

Bessel, R. and Feuchtwanger, E. J. (eds.) (1981) *Social Change and Political Development in Weimar Germany*. London: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780429277283>

Boitsova, O. Y. (2015) 'Policy as scientific decision making (on the theoretical foundations of managerism in political thought)', *Almanac Space and time*, 9(2), p. 16. (In Russian).

Bracher, K. D., Funke, M. and Jacobsen, H. A. (eds.) (1987) *Die Weimarer Republik: 1918–1933; Politik, Wirtschaft, Gesellschaft*. Bonn: Droste.

Ishida, Y. (1988) *Jungkonservative in der Weimarer Republik: der Ring-Kreis 1928–1933*. Frankfurt am Main: Lang.

Kosmach, V. A. (2015) *Germanija v 1918–1923 godah: rozhdenie i pervye gody Vejmarskoj respubliki* [Germany in 1918–1923: The Birth and First Years of the Weimar Republic]. Pskov: LOGOS Plus Publ. (In Russian).

Martyshin, O. V. (2000) 'Politicheskaja obiazannost' [Political duty]', *State and law*, (4), pp. 5–14. (In Russian).

- Mohler, A. (1950) *Die konservative Revolution in Deutschland, 1918–1932*. Stuttgart: Friedrich Vorwerck-Verlag. (Russ. ed.: (2017) *Konservativnaia revoliutsia v Germanii 1918–1932*. Moscow: Totenburg Publ.).
- Nickel, E. (2004) *Politik und Politikwissenschaft in der Weimarer Republik*. Berlin: Rotschild-Verlag.
- Pertsev, A. V. (2015) 'O. Shpengl: Popytka sozdanija prikladnoj vsemirnoj istorii [O. Shpengl: Popytka sozdanija prikladnoj vsemirnoj istorii Spengler: An Attempt to Create an Applied World History]', in *O. Spengler Vossozdanie Germaneskogo rejha* [Neubau des Deutschen Reiches]. Saint Petersburg: Vladimir Dal' publ., pp. 143–222. (In Russian).
- Petzinna, B. (2000) *Erziehung zum deutschen Lebensstil. Ursprung und Entwicklung des jung-konservativen «Ring»-Kreises. 1918–1933*. Berlin: Akademie Verlag.
- Peukert, D. (1987) *Die Weimarer Republik. Krisenjahre der klassischen Moderne*. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag.
- Rutkevich, A. M. (2002) 'Prusskii sotsializm i konservativnaia revoliutsia [Prussian Socialism and the Conservative Revolution]', in *O. Spengler Prussachestvo i sotsializm* [Preußentum und Sozialismus]. Moscow: Praksis Publ., pp. 187–228. (In Russian).
- Rutkevich, A. M. (2007) *Vremena ideologov: filosofia istorii «konservativnoi revoliutsii»* [Times of Ideologists: The Philosophy of the History of the 'Conservative Revolution']. Moscow: HSE Publ. (In Russian).
- Schmitz, W. and Vollnhals, C. (eds.) (2005) *Völkische Bewegung — Konservative Revolution — Nationalsozialismus. Aspekte einer politisierten Kultur*. Dresden: Thelem.
- Sieferle, R. P. (1995) *Die Konservative Revolution: fünf biographische Skizzen* (Paul Lenzsch, Oswald Spengler, Ernst Jünger, Hans Freyer). Frankfurt am Main: Fischer-Taschenbuch-Verlag.
- Sontheimer, K. (1994) *Antidemokratisches Denken in der Weimarer Republik: Die politische Ideen des deutschen Nationalismus zwischen 1918 und 1933*. München: Deutsche Taschenbuch.
- Vyrypaeva, A. P. (2016) 'Skovannye odnoi tsep'iu: patrioticheskoe dvizhenie v Germanii do i posle Pervoi mirovoi voiny [Bound by One Chain: The Patriotic Movement in Germany Before and After the First World War]', in *PAX BRITANNICA: Iстория Британской империи и созданного ею мира* [PAX BRITANNICA: History of the British Empire and the World It Created]. Chelyabinsk: Encyclopedia Publ., pp. 183–198. (In Russian).

Информация об авторе

Ольга Юрьевна Бойцова — доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой философии религии и религиоведения Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, 119991, Ленинские горы, МГУ, учебно-научный корпус «Шуваловский» (Россия).

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author

Olga Yu. Boytsova — Doctor of Political Science, Full Professor, Head of the Department of Philosophy of Religion and Religious Studies, Lomonosov Moscow State University, Lomonosov Moscow State University, Leninskie Gory, Moscow, Teaching and Scientific Building "Shuvalovsky", 119991 (Russia).

Conflicts of interest. The author declares absence of conflicts of interest / conflict details.

Статья поступила в редакцию 23.09.2025; одобрена после рецензирования 29.10.2025; принятая к публикации 03.12.12.

The article was submitted 23.09.2025; approved after reviewing 29.10.2025; accepted for publication 03.12.12.